

Станислав не думал стать антером, да и пением особенно не увлекался — так мурлыкал себе под нос незатейливые песни, услышанные по радио. В хоровой кружок, созданный в школе, пришел лишь потому, что надо же было петь кому-то.

Очень чуткий попался руководитель школьного хора. Она заметила у мальчика голос и слух, стала заниматься с ним. Потом — приглашение в Москву и профессору Свешникову. Прослушал. Посоветовал готовиться к экзаменам в консерваторию.

Станислав сдал их. Конкурс (40 человек на место) выдержал. Сначала все шло хорошо. Но на втором курсе юноши вдруг пропал... голос. Успокаивали, говорили, что это возрастное, предлагали перейти учиться в музыкальное училище. А он подал заявление в ГИТИС и поступил туда. А потом снова вдруг «прорвался» голос. Станислав решил стать артистом оперетты.

ГИТИС закончил с отличием. Потом — работа в Хабаровском театре оперетты. Три года назад приехал в Иваново, стал ведущим артистом театра музыкальной комедии.

* * *

ТОЧНЫЙ АКТЕР

«Точный актер» — так говорят в театре о Станиславе Артюшкевиче. И в самом деле, какую бы роль ни играл молодой актер, он находит сочные краски для характеристики своих героев. Думается, нет необходимости перечислять все его работы. Достаточно остановиться на двух, которые характеризуют С. Артюшкевича как актера, умеющего раскрыть образ «изнутри», быть убедительным — моряк Павел Горновой в «Сердце балтийца» Листова и сектант Агафон в оперетте «100 чертей и одна девушка» Хренникова.

Небогат драматургический материал, который дают авторы оперетты «Сердце балтийца» исполнителю роли Павла Горнового. Станислав сам признается, что когда получил ее, то представлял своего героя весьма туманно. Но от репетиции к репетиции он вместе с режиссером И. А. Фаликовым находил все новые штрихи. Эти находки радовали, образ постепенно оживал.

В день премьеры и сейчас, спустя больше года, образ Павла Горнового в спектакле «Сердце балтийца» остался одним из лучших. Прошла приподнятость первого спектакля, зато четче стал рисунок роли.

Вот он, Павел Горновой — человек, закаленный войной и морем. Открытый взгляд светлых глаз, широко развернутые плечи. Уверенность и нетороп-

ливость в каждом жесте. Таким он входит в дом Митрофана Ивановича, в дом, где его воспитали чужие люди и который стал для него родным. И вдруг — мальчишеский веселый смех, счастьем осветилось лицо. Павел увидел Машу, девушку, которая для него дороже всех на свете. Сказать ей об этом? Но с портрета смотрит Славка. Пусть он погиб для других, этот отчаянный моряк, но для Павла и Маши Селиванов женой, одинаково дорогой обоим. Он стоит между ними.

Словно страхивает с себя радость Павел. Снова он спокоен и ровен. Только в глазах, устремленных на Машу, — теплота и любовь.

Артюшкевич показывает Горнового и другим — непримиримым, суровым командиром подводных лодок. Если товарищ изменил долгу, если «зарвался» и захотел лишь своей славы, то какой же он моряк, командир? И Горновой не хочет прикрывать Селиванова, хотя тот и друг ему. Лишь опущенные плечи да дрогнувший голос выдают, как тяжело ему терять Славку. А рядом — Маша, несчастная, обманутая, оскорбленная Селивановым. Ей куда тяжелее, чем

ему, Павлу. Артюшкевич не утешает, даже не смотрит на нее. Просто тяжело-тяжело опускается на скамейку и сидит молча, с опущенной головой, потом достает заветную трубку. И чтобы нарушить молчание, говорит: «Эх, табак отсырел!» Ничего незначущая фраза, но сколько в ней желанья отвлечь Машу от тягостных дум. В интонациях Горнового — Артюшкевича — и прежняя любовь к Маше, и напоминание о том, что у нее есть друзья, готовые в любую минуту прийти на помощь.

Четкость в характеристике Горнового сохраняет артист и в сцене встречи с Машей на корабле, наполненной комедийными ситуациями, когда очень легко было переиграть. Ни одного лишнего жеста — все выверено и точно. На какую-то минуту поверив в любовь Маши, Горновой стоит напротив нее, не решаясь шагнуть вперед. Но его улыбка, растерянность, голос, прерывающийся от волнения, — все показывает, как он счастлив. И вдруг: «Нет, Павел, нет!». Это говорит Маша. «Никогда» — Горновой замирает, словно вдумываясь в значение этих слов. Он не жалеет, хоть и отвергнута

его большая любовь. Сила и мужественность, благородство и большая человечность на его стороне.

...Тяжелый взгляд черных глаз, прячущихся под нависшими бровями, включенные волосы и борода, неслепая белая рубашка, спускающаяся ниже колен, втянутая в плечи голова — это Агафон, главарь секты.

Трудно поверить, что на сцене тот же артист, который играл Горнового. Сколько ни вглядывайся, не уловишь жестов и легкой походки Горнового в «святом Агафоне». Страшен этот преступник. Он запугал всех в округе, даже умную, независимую Степаниду.

Разыгрывая из себя ясновидца, Агафон поднимает к небу руки, призывая темные силы покарать грешников — скрюченная фигура, грозный голос пророка. Ударил гром. Разбежались девочки. А вслед им — смех Агафона, довольного своей победой.

Артюшкевич, разоблачая Агафона, находит для каждой сцены новые, очень значимые и меткие жесты, движения. Кажется, весь раскрылся Агафон в разговоре с журналисткой Варей. Поверив, что она действительно хочет стать членом секты, Агафон рассказывает девушке о своем плане побега за границу. Пьяный, едва держась на ногах, он уговаривает Варю уехать с ним. Грубые, бесцеремонные, размашистые движения человека, считающего себя хозяином, хриплый голос — все отталкивающее, мерзкое. И в то же время он страшен: лишь до поры до времени замерла злость в темных глазах. Агафон цепким взглядом следит за Варей. Угрозой звучат его слова о том, что он расправится с каждым, кто посмеет встать ему поперек пути...

Только оперетта есть оперетта. Агафон становится участником многих смешных сцен. Но именно потому, что Артюшкевич всегда сохраняет чувство меры, играет без «нажима», до конца сохраняет точность внешнего рисунка роли, разоблачение «святого» получается очень сильным.

Роль Агафона безгранична для творческих поисков актера — таково мнение С. Артюшкевича. Он от спектакля к спектаклю находит новые мизансцены. Как-то само собой получилось у актера, что в сцене после моления, когда его герой остается лишь с Варей, артист снял крест с шеи и бросил его под лавку. Потом, когда к Агафону пришла «клиентура» и нужно было снова принять вид ясновидца, Артюшкевич неуклюже лезет под лавку доставать необходимую принадлежность святого, суетливо вешает крест. Теперь вошла эта сцена в спектакль. Актер же ищет новые...

* * *

Мы рассказали лишь о двух удачных работах актера театра музыкальной комедии Станислава Артюшкевича. А их много у молодого артиста. Он играет и героев, с увлечением работает над характерными ролями. Это тренирует актерское мастерство, делает его гибким, спасает от штампов. Значит, впереди будут новые успехи.

А. БЛЕДНОВА.

* * *

На снимке: Станислав Артюшкевич.

Фото Б. Дьячкова.

ЛЕНИНЕР
ИВАНОВО

30 МАР 1965